

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 141 (4266)

Суббота, 26 ноября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Прием в честь участников декады литературы и искусства Украины

Вчера правительство Союза Советских Социалистических Республик устроило прием по случаю окончания декады литературы и искусства Украинской ССР. В Доме приемов руководители партии и правительства встретились с участниками декады — украинскими писателями, артистами, музыкантами.

На приеме присутствовали товарищи А. Б. Архипов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, Д. С. Коротченко, М. Г. Первухин, заместители Председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядко и Д. Ф. Устинов, члены Президиума Верховного Совета СССР С. М. Буденный и К. Е. Воробьев.

ПОСЕЩЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ УКРАИНА»

Большим успехом пользовалась у москвичей в дни декады украинской литературы и искусства художественная выставка «Советская Украина». За две недели на ней побывало свыше 50 тысяч человек.

25 ноября выставку «Советская Украина» посетили товарищи А. Б. Архипов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. Н. Косыгин, Н. А. Мухомедов, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Сулов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, Д. С. Коротченко. Вместе с ними на выставке были Председатель Совета Министров СССР Н. Т. Кальченко, заместитель Председателя Совета Министров СССР М. С. Гречуха, секретарь ЦК КП Украины А. Д. Скаба.

Гости принимали и давали им посвящения хозяева выставки — украинские художники.

Выставка «Советская Украина» будет открыта до 12 декабря.

Заслуженные награды

Президиум Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и искусства и в связи с декадой украинской литературы и искусства в Москве наградила орденами и медалями СССР 1 014 деятелей литературы и искусства Украинской ССР.

Среди награжденных орденом Ленина писатели Украины: Никола Банан, Олесь Гончар, Петро Козланюк, Александр Корнейчук, Иван Ла, Александр Лавада, Андрей Малышко, Степан Олейник, Петро Панч, Максим Рыльский, Юрий Смолич, Владимир Сосюра, Михайло Стелмак, Павло Тычина.

Орденом Трудового Красного Знамени награждено 24 писателя, орденом «Знак Почета» — 28 писателей, медалью «За трудовую доблесть» — 4 писателя и медалью «За трудовое отличие» — 16 писателей.

Вчера в Кремле состоялось вручение орденов и медалей награжденным.

СОБЕТИЯ И КОММЕНТАРИИ

АТЛАНТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИ ГРОЗЯТ МИРУ

СРЕДНЕМУ человеку на Западе становится все труднее разобраться в ходе переговоров о разоружении, совмещающих в себе и четкие советские предложения, смысл которых — создать мир без оружия и войн, западные державы выдвигают бесконечные возражения, различные варианты и планы. Месюц шла дискуссия на эту животрепещущую тему в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН. Западные державы предлагали несколько проектов резолюции: проект США, Англии и Италии, проект Англии, канадский проект и так далее.

Н. С. Хрущев в ответах на вопросы редакции газеты «Правда» отметил, что все они построены по одному образцу: автор умалчивает о главном — как осуществить полное и всеобщее разоружение. Они вновь пытаются свести все дело к установлению контроля над вооружением без разоружения. Иными словами, они стараются создать тулук в этих важнейших переговорах...

Для маскировки представители западных держав жонглируют в стенах ООН словами «мир», «равнодушие», «сосуществование». Они стремятся прокрутить навстречу лоск, придать респектабельность своей позиции. По-иному они ведут себя, когда остаются в своей «атлантической семье». В парижском здании НАТО в Булонском лесу, где заседает конференция парламентариев стран — участниц Атлантического блока, не дипломатично, а говорят напрямик. Слова «равнодушие» там не услышишь. Наоборот, речь идет о всемерном форсировании военных приготовлений.

В середине декабря, как обычно, в Париже соберется сессия Совета НАТО. Атлантические парламентарии — министры и генералы, — входящие в верховный орган этого агрессивного союза, обсуждают и утверждают сейчас военные планы, подсказанные Пентагоном. Главным номером программы на конференции было выступление главнокомандующего вооруженными силами НАТО — американского генерала Норстада, предложившего от имени правительства США превратить НАТО в «четвертую ядерную державу». На более понятном языке это означает, что США намерены передать ядерное оружие всем странам — участницам Атлантического блока. Норстад заявил, что план предлагаемого им «атомного пула» полностью удовлетворит чаяния и желания некоторых членов НАТО.

«Некоторые члены НАТО», а точнее — бывшие гитлеровские генералы, получат при осуществлении этого зловещего плана оружие массового уничтожения.

Английская буржуазная газета «Скотсмен» уточняет, как это будет выглядеть на практике. «НАТО — не одна кака-нибудь держава, а союз держав, — пишет газета. — Войска НАТО — национальные армии. Это означает, что будет создана не какая-то четвертая или пятая ядерная держава, но столько — ядерных держав,

Большая почта идет

КОНКУРС продолжается! В сегодняшнем номере газеты публикуется еще несколько материалов о наших современниках. А между тем все новые и новые письма, пакеты, бандероли с пометкой «Советский характер» ежедневно приходят в адрес редакции.

Председатель колхоза, техник связи, колхозница из глухого села — вот те авторы, о которых шла речь в первом обзоре*. А что принесла нам сегодняшняя почта? Горный инженер В. Мегера (Луганская область, шахта «Должанская-Южная» № 3) назвал свой очерк романтически и горячо — «Горняцкий баллада». Во вступительном письме он пишет: «Я с удовольствием решил принять участие в вашем конкурсе на лучший очерк о современнике. На мой взгляд, героем современности может быть только коллектив, а не отдельный взятый человек, пусть даже с положительными качествами. О чем еще я могу писать, — конечно, о слабом и гордом труде горняков, моих товарищей по оружию».

И, как нарочно, издалека откликается голос другого горняка, уже не луганского, а карагандинского. «В человека надо поверить. И тогда он найдет свое место в жизни, обязательно найдет». Такими словами кончается очерк бригадира забойщиков шахты «Покро» Ивана Чурихина (Казахская ССР, Джезказган). К очерку приложена скромная записка: «Простите меня, если очерк не понравился. Я ведь не писатель-профессионал. Если все-таки найдете возможным напечатать, буду рад не только я — будут радоваться джезказганцы».

А немного ниже идет «примечание к очерку». Иван Чурихин сообщает, что шахта «Покро», его родная шахта, выполнила годовой план в октябре. И тут же, чтобы быть справедливым, добавляет, что еще две шахты, «Крест-Запад» и № 51, тоже завершили в октябре программу года. Боротенское дело — примечание. Всего две строчки. А если взглянуть, вчувствоваться, как много тут любви и уважения к труду, к товарищам по труду, как много хорошей рабочей гордости за свой край, какова славная обстановка чистоты, складочка характера. И обозначается — вот что дорого! — незначит, между делом, совсем не напоказ. Верит Иван Чурихин, что человека у нас в стране встречают и провожают не по одежке, пенят, привечают за труды его, за соседнее им. И вот, стучась в двери «Литературной газеты», бригадир забойщиков шахты «Покро» еще с порога говорит то, что кажется ему самым важным: «Второй год семилетки мы завершили, живем уже в третьем году». А заодно...

«См. «Литературную газету» № 135 от 12 ноября 1960 г.»

но не забывает упомянуть и соседей, которые тоже славно потрудились.

А вот еще пакет. Три обыкновенные ученические тетради в синих обложках. «Тетрадь для...». Твердой рукой вписано — «на конкурс». «Учени... класса... школы». Все это не подошло к данному случаю — размашисто вычеркнуто. А сверху читаем: «напистана теплохода «Азимут» Носогова В. А.».

На первом листке, перечеркнутом, как частым дождем, косыми линейками, идет письмо: «Товарищи! Прочитав в вашей газете, что объявлен конкурс на...

очерк, я решил попробовать описать события, которые имели место в действительности. У меня нет времени для надежной обработки написанного, пишу на теплоходе, тесно и очень трясет от работы двигателей. Извините».

Нижю идет адрес: Красноярск. Слобода Весны (как хорошо старинное, исконно русское слово «слобода» является с северной сибирской Весной, этой Снегурочкой, которую почему-то представляешь себе в облике одной из раздумывающих сурковских красавиц). Улица Пятая Полярная.

Надо думать, что капитан с Енисея мог бы немало порассказать о своей большой жизни — и это тоже была бы повесть о чертах характера нашего современника. Но он пишет о своем молодом друге, восемнадцатилетнем лодмане Алексее. Широкие просторы, большие возможности открываются у нас смелому перед тем, кто смеет, не боится трудов и трудностей. После окончания техникума Алексей сам попросился на Север, туда, где он два года подряд проходил практику. Потнувшись за ним в Игарку и два его товарища — Виктор Большой и Виктор Маленький.

Очерк «Лодман» не может быть полностью напечатан в «Литературной газете» хотя бы потому, что он не по-газетному велик, написан широко и просто. Но мне все-таки хочется, чтобы читатели получили о нем представление. Автор приводит несколько эпизодов, представляет несколько страничек жизни своего молодого друга. Вот тот пылет по Енисею к месту назначения, пока в роли пассажира. И вдруг крик: «Человек за бортом!» Не задумываясь, Алексей бросается в ледяную воду, которая обжигает его тренированное, мускулистое тело, и спасает девушку, крепко ухватив ее за коротко остриженные волосы.

Страница вторая. На гидрографическую шхуну временно назначен новый помощник капитана — стройный, подтянутый юноша с выправкой спортсмена. Не все ладно на шхуне — после смены иной окуцает, а иной и выпивает. Старший рабочий Лебедев затевает пьянку, драки, ему подчиняться слабые. Новый помощник хочет наладить комсомольскую работу, развернуть самостоятельность, приобщить людей к чтению. И вот — неизбежное столкновение с Лебедевым.

«— Еще моря толком не видел, а туда же, учить. Пили и будем пить! Получай, салага...» — Лебедев замалчивает. Алексей нырком ловко ушел из-под его руки, и в тот же момент Лебедев получает точный, хорошо рассчитанный удар в челюсть. Взмахнув руками и свалив ведропитые бутылки, рухнул на кровать».

Так значит новый помощник боксер? А не согласится ли он тренировать ребят? И вот уже регулярно занимаются боксом многие матросы, в том числе и дружка Лебедева. А вот и он сам является с верным подручным Степкой. «Важ, товарищ тренер, прячете нас?»

«Первое дело — бросить пить. Другая перестануешь».

— Да мы уж вроде и так не очень... ну, в неделю раза два, по-культурному.

— А нужно бросить совсем, понимаешь, совсем.

— А что, тогда я буду бить так же, как ты?

— Почему, так же? Лучше будешь бить.

— Хорошо, согласны. — Они отошли. И опять вернулись. — А по праздникам?

— Что по праздникам?

— Ну, немного того...

— А! — Алексей улыбнулся. — По праздникам можно, но в норме».

Назавали и самостоятельность — да так здорово, что дали на берегу замечательный концерт для рыбаков и охотников, когда льды задержали шхуну у «широкой переправы», там, где Енисей разливается на шестьдесят километров...

Мы расстались с Алексеем на мостике иностранного корабля, который юном в тяжелых условиях блестяще провел из Енисейского залива в Игарку. Капитан, тот самый, что поначалу все требовал, охал, вздыхал («государственный морской лодман в восемнадцать лет? Как это может быть?»), теперь крепко жмет руку Алексею, поздравляет его:

— Такой трудный рейс, совсем юный лодман. О, мы осторожнее, у нас вы стали лодманом через пять-шесть лет...

Капитан теплохода «Азимут» берет своего героя в начале пути, но мы верим, что Алексей движется по верному азимуту, не сбывается с правильного направления.

Пусть это только начало молодой жизни, ее ранняя весна, но почки развиваются весной, а от них зависит цветение. Да, это так, капитан из Слободы Весны!

Сегодня пришла большая почта. Она говорит о советском человеке, творце всего прекрасного и величественного, что есть на нашей земле.

Что принесет нам почта завтра?

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

В РАЗГАР СТРАДЫ директор зернового совхоза Васильев явился в управление сельского хозяйства и просил помощь ему — выделит хотя бы десятка два грузовиков, чтобы быстро перевезти зерно с токов на элеватор.

Машин ему не дали. Взамен машин директор «подсадил» уполномоченного — представителя министерства. По пути завязался разговор о хлебе, о плохой погоде, о токах и сушилке. Васильев упрекал министерство за невниманье к постройке высококачественных токов и сушилок. Представитель министерства вяло отговаривался:

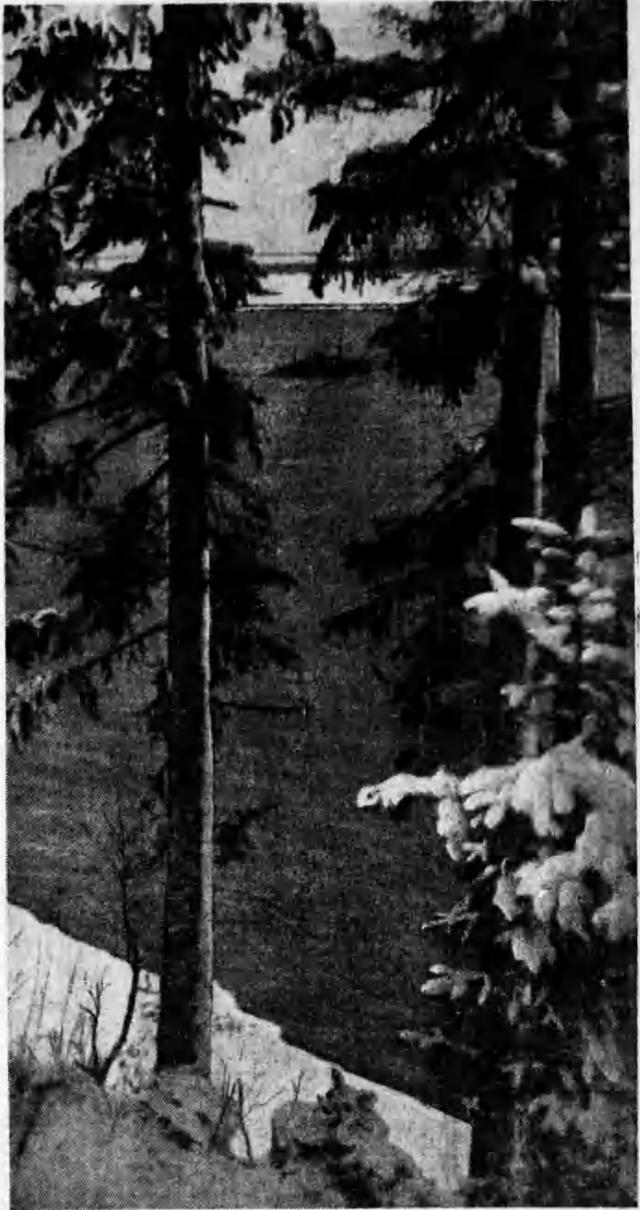
— Ты, товарищ директор, гляди пошире. А о тока, тока... Скоро их совсем не будет, все зерно сразу от комбайнов — на элеватор! Такова генеральная линия в этом вопросе.

— Вы, значит, теоретик, — усмехнулся Васильев. — А знаете, сколько мы зерна гробим из-за того, что увлеклись фантастикой?

— Как это фантастикой?

— Очень просто, — спокойно ответил Васильев. — Вот вы говорите: от комбайнов сразу на элеватор. А нам не всегда хватает машин для перевозки зерна от комбайнов на ближайший ток. Все эти годы наш Русско-Полянский район вывозит на элеватор больше восьми миллионов пудов зерна лишь после завершения обмолота хлеба. И наш район — не исключение. В Сибири и Казахстане расстояние до элеватора в 70—100 километров — явление обычное.

Но грузовиков с каждым годом будет все больше.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Фото А. Перовинова

РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Леонид ИВАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

— А комбайнов?.. И убирать хлеба будем не два месяца, а, наверное, недели две. Стало меньше, поток зерна с поля увеличивается в несколько раз. Что же это получается? Если уже сейчас элеваторы огромные очереди.

— Что же, по-вашему, без токов не обойдется?

— Я этого не сказал. Возможно, в некоторых районах, где элеваторы близки от поля, они не нужны. Но в наших местах без токов и сушилок по хозяйски убрать урожай трудно.

Впереди покажется усадьба совхоза. Васильев предложил заглянуть на ток.

Все это немудреное сооружение называется механизированным амбаром. Построен он на центральном току Сосновского зерносовхоза (такие амбары построены еще в двух-трех хозяйствах). Обслуживают такой амбар механики и два подсобных рабочих — три человека. Столько же работает у зерносушилки. Эти шесть человек управляют с зерном, поступающим от 50 комбайнов...

Вот что такое механизированный амбар!

Все это мне довелось наблюдать в прошлом году. А нынче механизированный амбар Сосновского совхоза еще более усовершенствован. Оборудованы две самостоятельные поточные линии — одна только сортирует хлеб, по второй идет зерно, нуждающееся в огневой сушке. Здесь сортируют в час до 40 тонн зерна и сушат до 18 тонн.

НАЧАЛЬНИК областного управления хлебопродуктов Александр Лаврентьевич Борзовских давно интересуется механизацией токов. Он считает, что все затраты по сооружению механизированных амбаров окупятся за один только дождливый год.

Вот некоторые расчеты Борзовских. Они сделаны по конкретному хозяйству — Павлоградскому совхозу. Здесь шесть отделений, значит, и шесть токов. Товарного зерна производится около 20 тысяч тонн. В дни уборки урожая на токах занято 228 человек.

Если же построить один механизированный амбар, соорудить асфальтированные площадки с навесами для хранения зерна, то в самый разгар уборки зерно на элеватор можно и не возить, а хранить временно под навесами.

— А как же тогда с установкой от комбайна — на элеватор?

— А вот так... — Александр Лаврентьевич взял в руки карандаш. — Перевезти 20 тысяч тонн зерна с обычной после обмолота засоренностью и влажностью — это значит затратить зря около тысячи рейсов для перевозки сора и воды. Да еще сотня рейсов уйдет на вывоз зерновых отходов.

Александр Лаврентьевич уверен, что постройка механизированных амбаров окупит себя очень быстро. А главное — полностью сохранится урожай.

Кому целесообразнее строить механизированные амбары для сушки и очистки зерна в совхозах — заготовителям или самим хозяйствам, вопрос, видимо, не самый главный. Было бы хорошо, если бы и те, и другие повели это дело. Важно понять одно — это наиболее верный путь к полному сборению выращенного урожая.

САМОСВАЛ, нагруженный зерном, подкатил к небольшому навесу, над которым возмущались четыре багетчи, и въехал на площадку. Водитель выскочил из кабины, включил рубильник, передок машины начал медленно подниматься, зерно через открытый борт посыпалось в яму. Теперь на каждом хлебоприемном пункте есть самосвалы, но на токах

ПО УЛИЦАМ ПРАГИ

Фоторепортаж В. АХЛОМОВА

Прага! Злата Прага! Каждый, кто хоть раз побывал в ней, уносит ее образ с собой.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАЖДЫЙ ЧАС...

Бывает, человек не живет, а будто отбывает срок на земле. Отлученную ему капелку солнца, золотую свою огневину...

В центре каждой стены — символические фигуры Матери и Человека-Мыслителя, Труженика наших дней. В них главное, что владеет мечтами молодого советского художника...

В СЕЛЕ Ашваны

Минеральная по-весуду густая земля — в узких дворниках, утопанных и чисто подметенных, где уже нет ни коленного, ни копытного следа...

НЕ РЖАВЕЕТ КОСА...

вам и мыслям на лице шагающего рядом старика Берталана Имре; он пошел со мной, чтобы показать мне село, а мы одним словом не выдает ни радости, ни гордости...

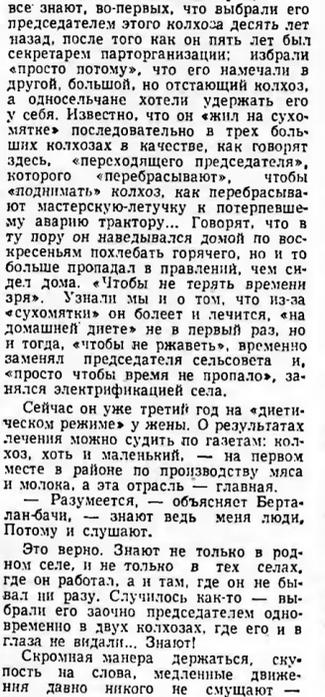
М. КАХАНА выпал Берталана-бачи словами. Попробую передать ее речь, верности ради, без знаков препинания: ...моя мать не с нами Берталан-бачи с тех пор как моего не стало...

Однако факт и то, что руки у него большие, дрожат (о чем сплетничают могут не знать), потому что их сжимает в кулаки и греет в карманах даже в летнюю жару...

Н У, КАК? — СПРОСИЛ МЕНЯ НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ ЧЕЛОВЕК С ЗАПУТАНЫМИ И ТЕМНЫМИ ПРОСЫМЫ.

— Удивительно, — ответила я, откладывая в сторону только что прочитанное письмо. — Письмо это, можно сказать, меня человеком сделало. И не меня одного...

тот же день он созвонился с Ангарском, и через неделю на имя Колосова прибыл пакет. В нем лежали два письма. Печатаю их, не изменив ни одного слова: «Здравствуйте, Александр Иванович, деньги Гордеевой переведил я...

Сергея. Поздно уже появилась у нас дочь Вера, та самая, три платочка которой и кофточку вы утащили. В 1941 году мой муж Николай и сын Сережа в один день ушли на фронт...

Умоманет он об этом скупое, и так все знает, во-первых, что выбрал его председателем этого колхоза десять лет назад, после того как он пять лет был секретарем парторганизации...

Полмилиона с лишним вложили в него на сегодня, — произнес он наконец, не найдя ничего другого. Миллион, или три, или пять мало говорят неслучайному, и я думаю о другом...

В связи с 50-летием со дня смерти Льва Николаевича Толстого в Советском Союзе, по приглашению Союза писателей СССР и группы зарубежных писателей и литераторов...

ПОДНИМАЯ ДИКУЮ СТЕПЬ...

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

тальны для поэта, и именно люди помогают ему лучше понять природу, а природа раскрывает для поэта красоту души человеческой.

В одном из стихотворений Ваншенкина писал:
Я люблю тебя, Жизнь,
Я надеюсь, что это взаимно...
И, действительно, в любви и о му в жизни человеку по-новому открываются люди, и природа. Он видит по-своему, что его окружает, и помогает нам увидеть мир заново. Казалось бы, обычный пейзаж:

ПРИРОДА ПОЭТА

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что ранней осенью входите вы в березовую рощу. Лучи заходящего солнца пронизывают еще густую листву. Широкие полосы света прорываются между кронами деревьев и пропадают в пожелтевшей траве. Звонкая, упругая тишина. Воздух, нахнувший дождями и счастьем. От всего этого немного шевелит сердце. Так много света, простора, так высоко небо, так радостно и чуть грустно.

Подобное ощущение не покидает, когда читаете новую книгу стихов Константина Ваншенкина «Надпись на книге». Да и сам поэт признается: «светло на душе, как в березовой роще».

Ваншенкин так раскрывает секрет этого «освещения» своих стихов:

Ты понапрасну не сетуй,
В том природа моя, —
В жизни обиденной этой
Вижу Поэзию я.

Поэзия обыденности — как это, право, странно звучит! Не обязательно быть поэтом, чтобы заметить прекрасное в жизни. Но не всякий заметит прекрасное в будничном, повседневном. Великая сила поэзии — умение опознать в обыденности свое, но и человеческого общему. Она уходит со двора, и ее последние слова: А пропадите вы пропадом со своим богатством... — не только выстраданный итог ее жизни, но и тот вывод, к которому пришли миллионы ее современников и потомков.

Так, казалось бы, «лишние» сцены внутренние завершают фильм, его главному и совсем не устаревшую тему борьбы с «дикой степью» зоологических стяжательских инстинктов.

Людям. Лом. Бревенчатые стены. И, вбирая мир голоса, Немураемый венчик антенны Слово подматает небеса.

Возвышенные «небеса» рядом с вечною антенной — «немураемый венчик антенны» — как это похоже на великий мир и голоса мира и по-своему, если можно так сказать, «перерабатывает» их в своем сознании.

Вот, на первый взгляд, обычные производные строки:

Я отдышать люблю среди полей,
Ложатся, закинув за голову руки,
И отыщут гудение шмелей,
Да поездов далеких перестуки.

Травинку грызть, задумавшись слегка,
Закрыть глаза и чувствовать природу:
Как заслоняют солнце облака
И как спясть дают ей свободу.

Перечитав эти строки, и вспомнишь, что это состояние отлично тебе знакомо, и удивишься, насколько точно оно выписано. Но главное — в этой точности нет ни капли напряжения, придуманности.

Поэт, верный классическим традициям стиха, сумел наполнить свой стих дыханием современности. В сборнике немало стихотворений, говорящих о том, что поэт ищет, растет, серьезно думает о жизни.

Стихотворения Ваншенкина отличаются точностью письма, пристальным вниманием к деталям. Но подчас это ему и вредит. Иногда подробное описание перерастает в самоцель, и тогда стихотворение расщепляется — вместо стихотворения остается десяток-другой точных деталей, не объединенных идеей. Получается просто зарисовка, эскиз или зарисовка с прищипкой беличьих поэтических нитками кончиков. В подобных стихотворениях появляется ложная значительность.

В лучших стихах Ваншенкина радует его стилистика с окружающим миром, стремление поэта вместить в себя дыхание мира, все его краски, голоса. И, впрочем, что слова поэта:

Живет во мне великий этот мир,
Как я живу в великом этом мире,

— не декларация, не риторический дождь для цитирования, а продуманная, последовательная поэзия.

Каждый поэт сам выбирает для себя читателя. Истинный поэт хорошо знает адрес, в который направляет свои стихи. Константин Ваншенкин обращается не к тонким ценителям поэтических изысков. Его читатель — в цехе завода, в студенческой аудитории, в рядах армии, и в совхозе.

Ваншенкин выбрал для себя читателя. И не ошибся.

Алла КИРЕВА

Ю. ХАНЮТИН

сея коммуны. Кулаки не дали лошадей. И вот, вприпрыжку по четыре-пять человек, коммуны тащат плуг, пахнут на себе землю. Наносить через весь экран согнутые в нечеловеческом усилии фигуры, точно сжавшись в один комок, поднимают засору, нехотят, отчаянно сопротивляясь, цулоя землю. И это уже не только лапота земли, кажутся, плечом к плечу, выгибая жилы, мучительно трудно поднимают коммуны дикую степь, живущую в душах окружающих их людей. Это поступь революции, ее движение. Ее образ, прозаический и прекрасный.

Здесь-то режиссер Федор Филиппов, операторы Игорь Черных и Петр Емельянов приближаются к тому поэтическому кинематографу, к которому они, по всей видимости, стремятся. Так же как приближаются к нему в сцене неожиданного появления трактора. Обобщение рождается тут изнутри, из существа самой темы, а не накладывается сверху в виде приимпровизированной «символической».

Тема пробуждения, борьбы со старым миром наиболее остро поставлена в судьбах нескольких героев.

Вот батрак Самойло Петелькин — А. Соловьев. Это одна из лучших актерских работ фильма. Скупно и сильно показывает артист тяжелую, упорную мечту Петелькина разбогатеть, стать хозяином, а затем после встречи с Ивушкиным такую же твердую решимость идти за коммуной. И совсем иной характер — уже знакомый нам Анисим Охалкин — А. Кубачкин. Рассудительный, скептически настроенный ко всем «словам». Он вроде бы не прочь с коммунами, да боится: а ну как не поучится? И когда в финале коммуны Охалкин приходит на помощь коммуны, это убедительней всего свидетельствует о победе революции.

Но авторы картины не боятся сказать о трудностях борьбы, дикая степь не сдается без боя. Укоренился в сибирской земле цепко опутавший ее Феррапонт Тинюнов, Тихий, вежливый, благообразный, лишь время от времени в полуприкрытых глазах вспыхивает властный, злой огонек. Таким показал его Г. Глебов.

Кулацкий сын, бандит Петя Тельничкин — Э. Бредун. Спутанный мокрый черт, сначала нагло спокойная, а затем нервная, подергивающаяся улыбка, истинный до шепота крик: рубить их, крестный! Рубить!

И вот, быть может, самый упрямый, колочий росток дикой степи — Любаша Тинюнова в исполнении Александры Завьяловой.

Мы часто поспешно и категорично судим о произведении искусства, но зато очень робко говорим о людях, эти произведения создающих. Мы стесняемся почему-то честно сказать режиссеру, поставившему подряд пять бездарных картин, что ему надо бы сменить специальность, и точно так же мы не решаемся в полную меру признать истинный талант, в особенности если он еще не отмечен званиями и заслугами, — а стоит ли спешить? Думается, что Александры Завьялова — это не очень частый «случай», когда надо и нужно сказать прямо, в наше кино пришла актриса незаурядного дарования.

Менее года назад зритель впервые заметил ее в фильме «Люди на мосту». Подрывница Ленка с ее сложной жизнью, неудавшимся замужеством, мучительной любовью к недотепа, маменькиному сынку, неожиданно и властно вышла на первый план, оттеснив куда-то и проблему перовоспитания крупного руководителя, забывшего, что людям надо доверять, и борьбу прогрессивных и консервативных методов постройки моста, и передовых инженеров, и отсталых карьеристов. Была в Ленке — Завьяловой не только удивительная доподлинность, но какой-то захватывающий азарт жизни, размах и сила страсти, оправдывающей самые причудливые изломы ее характера. Именно эти моменты неожиданными порывами определялись ее шальная и горькая судьба.

Этот захват чувства, горькая страсть были неожиданными, непонятны в начинающей актрисе. Казалось, случайность, совпадение данных. Но затем новые роли в «Песне о Кольцо», «Ждите писем» и, наконец, Любаша в «Хлебе и розах». Стали видны недостатки, вернее, опасность того, что ее начинают вести по установленному амплуа женщин с надрывом, что будут эксплуатировать однажды найденный тип, не пытаясь нащупать иные возможности. Но это — предостережение на будущее. Главное в нем, то, что было год назад предположением, надеждой, теперь стало фактом. Не случайно, теперь стало фактом, — актриса.

Вот она, кулацкая дочка, стоит на крыльце родительского дома и, подчеркнуто небрежно сплевывая семеч-

ки, следит за дракой собак. Да, она сама их ставила. Это аргумент в ее непрерывающемся безмолвном споре с Ивушкиным. А разве вся жизнь не такова? Она не хочет верить ему, что люди могут улыбаться друг другу, что она ровная этой заезжей голытьбе.

Завьялова показала всю силу и трудность любви своей героини. Ее колкая, трезвая Люба, в которой все время чувствуется злая Феррапонтова кровь, вдруг становится задумчивой и печальной. Точно выходит наружу все тщательно скрытое, ненужное в жизни, где люди глотки друг другу рвут. Это очень верно, что она любит такого Ивушкина, как показал его П. Кадочников, — мягкого, доброго, мечтательного. Ее любовь не радостна, это крест, мука. Но она борется за нее до конца. Смуглая, обожженная степными ветрами, она летит на ноне и любви, забыв родительские наказы, она улыбается своей сопернице, «общинной сойке», но в углах рта дрожит злость.

И чем сильнее ее отчаянная страсть к Ивушкину, тем яснее видно, как не понимает она его, как глубока, природная ее вера в необходимость, естественность уклада жизни, где главное — рубль. Здесь нужна драма, крупная, кровавая. Завьялова показывает процесс переделки человека, показывает типическую судьбу. Любаша еще ссорится с Ивушкиным — круто, резко, но и с отцом она говорит уже холодно, с небрежным тоном — ненависть. Она верит еще в вековойный порядок жизни, но уже раздражает ее и отцовские хоромы, и вечные разговоры о деньгах, о хозяйстве.

Она мечется из стороны в сторону, то с риском для жизни спасает коммунаров, то сражается в бандитском отряде. Но логика революции приводит ее в лагерь коммунистов, как привела она туда тысячи людей.

Сюжетно фильм может показаться растянутым, особенно в конце. После возвращения Любаши в лагерь красных, сражения с отрядом Тельничкина, его убийства в перестрелке, смерти Лены, яркой подружки Ивушкина, когда казалось бы, надо спешно «закрыть» счастливо завершающийся роман, благо соперники и с его, и с ее стороны погибли, авторы неожиданно показывают еще несколько сцен.

Любаша, вернувшись из Красной Армии, приходит в родной дом, и постели умирающего отца. Светлеет лицо Феррапонта, но улыбка застывает, жестким становится взгляд — на склонившейся к постели голове дочери буденовка со звездочкой. Его глазами мы видим эту огромную, смятую жизнь Феррапонта, ворвавшуюся в дом, а с улицы доносится, все заполняя, веселый буденовский марш, новое время пришло, и ничего уже не останется...

И здесь вдруг еще один необычный поворот. Звучат слова завещания:

«Оставляю все движимое и недвижимое... дочке моей Любаше...». Крики обиденных домочадцев: Поделит! Красная она... со звездой вернулась! И опять прищип у ре и н и я оцениваю с и й взгляд Феррапонта сопровождает его последние слова: «Хозяйкой станет, про звезду забудет!»

Это его решающая ставка. Последний удар уже почти с его рта.

В моих горах есть легенда, которая все объясняет и без филолога. Эта легенда родилась у горных родников, красивых, как красивая девушка. Она родилась там, где горные орлы поют горные песни. А может быть, и еще где-нибудь...

Никто не знает, почему в Дагестане так много языков. Я и сам не знаю.

В моих горах есть легенда, которая все объясняет и без филолога. Эта легенда родилась у горных родников, красивых, как красивая девушка. Она родилась там, где горные орлы поют горные песни. А может быть, и еще где-нибудь...

Давным-давно по миру развезли один ответственный всадник. Он делал просто, но очень серьезное дело: раздавал людям языки. Всем раздавал: и степным, и лесным людям, беднякам тоже. Даже горцам.

Вот прискакал на коне в Дагестан. Всем, всем раздавал языки, а Дагестан оставил на закусок. Дагестанцы набросились на языки и расхватили: один взял лакский, другой — аварский, третий — табасаранский... Хватали языки, как горячие, влисные хинкалы.

И вот мои соотечественники разошлись по горам с вершинами снежного цвета. И с тех пор в горах моего родного Дагестана ровно тридцать языков. А может быть, больше. Точно не знаю...

Кадр из фильма «Хлеб и розы», Любаша — А. Завьялова.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ТВОРЧЕСТВО

Эрзету Незвестному
Узнай меня!
Чтоб по гранитным
жизлям
пошла толчками
каменная кровь...
Поверь в меня!..
Высокая,
живая,
по скошенной шее
течет слеза...

ПОЛОМАЛАСЬ НОГА

из устных рассказов моих друзей
Елена ГУЛИА
Рассул ГАМЗАТОВ

В сухие это было. В марте. В тысяча девятьсот двадцать первом году. Город замер. Здесь уже два дня находятся большевики. О них распускались всякие слухи. Меньшевики нехорошо писали в газетках. Говорили: головы отрывали людям. Говорили: детей жгут живыми! Это только, мол, не творят эти большевики! Страшные, говорят, большевики!

А какие они? Ни я, ни соседки по двору еще им не видели. Сидят себе и дрожат. Мужья ушли на работу. Что там с ними — никто не ведал.

А с детьми. Не выхожу на порог. Двор пустой, соседки притаились. Также гадают: где же мужья? Что будет дальше?

Думается ко очкам: пойдут большевики по улицам и увидят их. Все напряженно ждут: вот вернутся мужья и расскажут о большевиках. И вдруг в полдень лесня грянул а. Большевицкая песня:

Смело мы в бой пойдём,
За власть Советов
И, как один, умрём
В борьбе за это!
Пели где-то очень недалеко. За ближайшим углом — шагов сто от нас.

Песня все громче. А мы знаем: ее только большевики поют. Больше и некому. Что делать? Рисковать и выбежать на улицу? Страшно. Но уж очень хочется на большевиков взглянуть. Какие они? Женщины нашего двора высунули носы. — Что делать? — спрашиваю друг у дружки. — Давайте выйдем на улицу. — Не надо! Это рискованно. — Подумайте о детях! — И все-таки рискнули. Пошли осторожно со двора. Нас было трое. Жмемся к стенкам домов. Дышать боимся. А песня — все ближе. Совсем уж громко: Смело мы в бой пойдём... Очень задорно поют. Решительно. Во всю глотку. Идти дальше или бежать назад? Страшно, очень страшно. Мороз по спине. Улица совсем пустая. Ни живой души. Нас трое. Мы идем вперед. Теперь уже песня где-то совсем под боком. Много голосов. Должно быть, много этих большевиков. Слышен топот. В ногу идут. По-военному. Добрались до угла. Остановились. И совсем-совсем громко: Смело мы в бой пойдём... И что же видим? Шагают в лицо человек ятьдесят. Вместо ружей у них лопаты и метлы. Очень бодро ша-

ПОЖАЛУП, нет сейчас для художника более трудной задачи, чем снова рассказать о событиях революционных лет. Как еще раз показать время, запечатленное Эйзенштейном, Пудовкиным, Довженко, отраженное в фильмах о Ленине, в «Выborgской стороне»? Можно прилежно скопировать великие образцы. Многие, кстати, так и поступают. И на экраны снова появляются перефразированные лентами матросы, идут на штурм Зимнего, повторяя надрыв «Октябрь», скачут вскакивая в бурках, с шапками наголо, разрывая десятый вариант «Чапаева». Но копил никогда не становится вровень с оригиналом.

Есть единственный путь завоевать зрителя — посмотреть на героические годы революции сегодняшними глазами. В этом сила лучших фильмов о революции последних лет. Думается, присутствует современный взгляд художника и в новой картине студии Мосфильма «Хлеб и розы».

Самое место действия, избранное сценаристом Афанасием Сальпинским, весьма знаменательно. В последние годы авторы ряда фильмов о революции как бы уходят от центральных событий эпохи на периферию, действие в авансцене истории перемещается в ее глубинные слои. Идет разведка новых пластов жизни, человеческой души.

«Революция до нашей души отдаленности еще не в полном масштабе докатилась», — с хитрой улыбкой замечает алтайский кулак Тинюнов. «Вот коммуна придет сюда через месяц — и сразу добавит вам революции!» — лукаво отвечает коммунар Ивушкин. И вот они — питерские рабочие, приехавшие организовать первую коммуны. Они идут по ложбине, сдвинутой с двух сторон невысокими холмами. Идут в ногу, спорной походкой заводских людей, подтянутые, суровые. А по бокам теснит, точно валится сверху, деревья, настороженные, внимательная, ожидающая. Еще нельзя различить друзей и врагов, загадочная инертная масса, стихия. Но это обманчивое единство. Внутренне только происходит борьба, пока не распознали наем борьбу.

Здесь сразу же надо сказать: если образ коммуны как целого сделан сильно, остается в памяти, то индивидуальные характеры коммунаров получили куда слабее.

Строят здание коммуны. Люди что-то плещут, рубят, сколачивают — и все. Правда, в «Коммунист» герой тоже «только рубит» лес. Но дело, очевидно, в том, как рубить и во имя чего. Там подвиг во имя революции, Василий в одиночку валит деревья, и звук его топора, как колокол, звучит в ушах тех, кто забыл о долге и совести. Здесь «симфония труда», развращенная автарами, имеет только информационное значение. Физическое напряжение не рождено душевным усилием. А сцена праздничная в коммуне поставлена как истинный номер из программы ансамбля песни и пляски.

Вообще режиссура фильма крайне неровна. Рядом с точными, образными решениями — вопиющие промахи, архаика. Откровенная концертность сцены деревенского гулянья, в которой пропадает ощущение времени; прямолинейная символика, отсутствие впуска, когда лицо кулака монтируется в одном кадре с крупными зубьями борона, а свидание влюбленных томо комментируется девичьим платком, изыщя соскользнувшим на землю, и так далее.

«Не показано», «не получилось», «не хватает». Это же может быть, поворот? Это, конечно, просто. И если в фильме было бы только то, о чем говорилось выше, то этот приговор мог бы быть окончательным.

Но содержание картины значительно шире. И здесь нужно вернуться к прологу картины. У ночного костра в Питере происходит примечательный спор. Герой картины — молодой рабочий Ивушкин мечтает о «хлебе и розах для всех». Но солдат с самоваром за плечами, сибирский крестьянин Охалкин, скептически роняет: «Феррапонт не захочет». «Феррапонт он сильнее царя... Родни много».

Охалкин не так уж наивен, как может показаться. В сущности, он прав. Легче свергнуть царя, чем победить Феррапонта. Не дядюшка кулака Феррапонта, которого имеет в виду Анисим Охалкин, и не только кулачество как класс. А того «всеобщего Феррапонта», что ворочается в душах очень многих людей, — приобретателя, накопителя, всегда остро чувствующего грань между «своим» и «общим» и во всех случаях предпочитающего свое.

Фильм и говорит о борьбе с Феррапонтом, борьбе трудной, всеобщей, происходящей не только на полях сражений, но и в самых потаенных углах души. Борьбе, которая не кончилась и сегодня. И хотя исход ее решен, но потомкам Ивушкина еще есть работа. В острой современной постановке этой темы — главное значение картины, главное достоинство сценария А. Сальпинского.

Есть в фильме такая сцена. Первый

ПО УЛИЦАМ ПРАГИ

Так завязываются первые знакомства.

2. Так завязываются первые знакомства.

«ХЛЕБ И РОЗЫ ДЛЯ ВСЕХ» * ВЕЛИКИЙ ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ МАХТУМКУЛИ * Новые сборники Константина Ваншенкина * Единомышленник Эллочки-людоедки * СТИХИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО, РАССКАЗЫ ГЕОРГИЯ ГУЛИА

ГОЛУБЬ

Д. САНГЭЭ, монгольский поэт. Голубь с котами орле на рожденьи, Храбростью сокола на надежде, Голубь не пав никогда соловьями...

В сердце бесстрашия сокола влипи, Пять научили его соловьям, Сердце зажгли теплотворным огнем! Сильная, смелая птица Отныне Голубь людей никогда не покинет!

Верю в справедливость!

Ваше величество! Простой, «маленький» человек Союза Советских Социалистических Республик с чувством глубокого уважения относился к греческому народу...

Р. ОРЛОВА Мальчишка бежит из Америки

КОГДА-ТО мальчишка из всех стран мира бежал или мечтал о победе в Америке в поисках приключений, романтики, справедливости. В наши дни романтически настроенные подростки в самой Америке в поисках справедливой, истинно человеческой жизни бегут прочь от американской цивилизации...

III. ВЕТЕР НАШЕЙ РОДИНЫ

ЭТО БЫЛО на севере Италии, в городе, которого я не называю, потому что не хочу, чтобы не допустить возможным полицейским неприязнотой одному старому итальянцу, человеку, видимо, искреннему и простодушному, но удивительно наивному...

ПО УЛИЦАМ ПРАГИ

Золотые светом ночные магистрали. — Такая она, Прага — город древний и молодой, город счастья и мечты. В соответствии с соглашением между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии о культурном и научном сотрудничестве...

— Когда же вы, русские, придете сюда командовать и наводить порядок? Это было так неожиданно, что смысл его слов как-то не сразу дошел до меня. Признание, на мгновение у меня мелькнула мысль о провокации...

ОТЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЗА ГРАНИЦУ

В соответствии с соглашением между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии о культурном и научном сотрудничестве в составе члена-корреспондента Академии наук СССР И. Анисимова, А. Панаева, Л. Шейнина...

из железнодорожников заметил аккумуляторную заводскую табличку с адресом «Unione Sovietica». Мгновенно слух о трансформаторе разнесся по станции. Весь этот день александрийские железнодорожники группами и в одиночку приходили к этой платформе...

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

24 ноября в связи с пребыванием в Москве генерального секретаря Союза писателей Югославии Александара Вучко, посетившего Москву в составе делегации Народной Республики Югославия...

верение национального героя Италии и подарил то и другое городу Сталинграду. Это был щедрый порыв солдатского сердца, подарок войны воинам, высокая дань памяти и уважения героям-сталинградцам.

А МОЖЕТ, КАЮНЕТ?..

ДАВНО уже не стало секретом, что симпатии и надежды Бонна были тесно связаны с избранием Никсона на пост президента. Как и во времена не столь отдаленные, в адрес различных германско-американских организаций...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

«ПУСТЬ В КАЖДУЮ ШКОЛУ ВОЙДЕТ МАКАРЕНКО!»

ПОД таким заголовком 11 июня 1960 года накануне Всероссийского съезда учителей «Литературная газета» опубликовала открытое письмо съезду, в котором говорилось о «необходимости широкого изучения творчества выдающегося советского педагога...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

Отклики бывают разные. «Прочитав Вашу статью в «Литературной газете» от 11 июня, — Вашу статью, Иван Иванович, — пишет один из читателей, — я убедился, что Вы, гад и мистификатор, не трестируете гонимых путевых страдальцев...»

ЧАСТНЫЕ СУДЬБЫ И ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Анатолий АГРАНОВСКИЙ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

ВСЕГДА В ПУТИ

К 60-летию со дня рождения народного артиста СССР Н. П. Охлопкова

ЕСТЬ ВУЛКАНЫ потухшие и есть вулканы увеличивающиеся, — это не парадокс бытового, обыденного течения действительности...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

ВСЕГДА В ПУТИ

К 60-летию со дня рождения народного артиста СССР Н. П. Охлопкова

ЕСТЬ ВУЛКАНЫ потухшие и есть вулканы увеличивающиеся, — это не парадокс бытового, обыденного течения действительности...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

«Как быт с теми научными работниками, — пишет проф. Соколовский, — которые вступили в зрелые годы, почему-либо не читали кандидатской диссертации...»